

Известия 1973, 10/11

О ВКУСАХ
СПОРЯТ

НАЙДИ САМОГО СЕБЯ

Размышлениями популярной советской актрисы «Известия» в кругу семьи начинают большой разговор о вкусах. Мы намерены вести его в самом широком плане, коснувшись и проблем бытовых, и правил, которыми мы руководствуемся в своем ежедневном поведении, и наших пристрастий в области литературы, искусства. Редакция приглашает читателей принять участие в этом разговоре.

КОГДА мы произносим или слышим слова «вкус», «мода», первое, что возникает в нашем сознании, — это одежда, мебель, прически. Словом, нечто вполне осязаемое, предметное, но, в сущности, вторичное по отношению к тому, что оно выражает. Старик Стародум в фонвизинском «Недоросле» был, наверное, не так уж неправ, когда говорил, что существует мода на умы и знания, как на пряжки и пуговицы. Прозвучит непривычно, должно быть, но, видимо, бывает даже модный или немодный стиль поведения.

Убеждена, вкус (а вкус — это, на мой взгляд, способность выбирать из всего, что предлагает мода, наиболее полно выражающее именно тебя) — свойство воспитуемое. И вкус в сфере поведения — тоже. Буду говорить о том, что мне ближе всего: о кино, о театре. Пожалуй, верно, что каждая эпоха и в кино утверждает некий популярный образ, который создается определенным актером. Тут возникает интересная связь. Актер угадывает прототип этого образа в жизни, стремится выразить идеал, тот, что в неясном, неоформленном еще виде бродит в людском сознании. А потом, в случае актерской удачи, зритель, восхитившись образцом, увиденным на экране, узнав в нем то, что он сам искал и во внешнем облике, и в поведении, следует экранному герою, подражает ему. Это счастье — очень точно воплотить идеальный для своего времени образ — сполна испытала Любовь Орлова. Женщины тридцатых годов причислялись, как ее экранная героиня, повторяли ее походку, манеру одеваться и говорить. Потому что актриса выразила собой эпоху первых радостных встреч с большими свершениями.

Потом была война, и она вызвала к жизни образ мужественной женщины, женщины в шинели. А после войны, как естественная реакция на мужественность, в качестве главного женского достоинства появилось стремление к мягкости, женственности. Вспомним послевоенные фильмы с участием Людмилы Целиковской. На Западе возник образ супер-женщины, пиком этой моды была Мэрилин Монро. Когда пик миновал, супер-женщину сменила антиженщина, женщина-подросток.

Но и эта пора прошла, и вот уже и мы, актеры, и зритель вместе с нами ищем образ интеллигентной, думающей женщины (в западном кинематографе ей еще придается оттенок некоторой усталости от жизни). Этот образ пока далеко не исчерпан. Здесь только предстоит отыскать синтез женщины неотразимой, таинственной, недосыгаемой, если хотите, но в то же время живой, узнаваемой, чуждо чувствовалось, что с ней можно и поспорить о чем угодно, и чашку чаю выпить. Женщины, в которой соединятся «вода и камень, лед и пламень».

К сожалению, пока что у нас нет драматургического материала, чтобы воплотить этот образ на сцене и на экране. Между тем главное — не упустить то, что диктует время. Именно наше время и именно — в нашей стране. А оно настоятельно формирует образ женщины, которая делает свое дело наравне с мужчинами, и в то же время женственна, кокетлива, прекрасна в любви и материнстве. Она органично собирает в себя лучшее из стилей предыдущих времен, не зачеркивает ничего того, что устраивало ее в старой моде, в угоду новой. Если иметь в виду чисто «тряпичную» сторону дела (хотя, полагаю, речь идет не только о тряпках), то она соединяет в своем туалете брюки и романтическую блузку с кружевами, коротенькую спортивную курточку и длинные юбки. Все это уживается в ее костюме и, значит, в облике, создавая широчайшие возможности для перевоплощения, для разного поведения в разных ситуациях. Потому что, согласитесь, брюки и туфли на низком каблуке подсказывают одну манеру поведения, кружева — совсем иную, а то и другое вместе — третью.

МНЕ очень нравится, что современная мода не втискивает нас в рамки какого-то одного направления (как это было раньше, когда все вдруг укорачивали юбки или, наоборот, поспешно удлиняли их, стремились подогнать себя под господствующий силуэт).

Сегодня есть возможность искать себя, найти и следовать найденному. Пусть меняются как угодно стремительно моды, но в тебе — то нечто главное остается неизменным, так что не нужно второпях отказываться от каких-то постоянных величин в самом

себе. Я говорю уже не о форме рукавов и не о ширине брюк. Ведь и в искусстве мы рискуем потерять себя в угоду модным влияниям. Это опасно. Но в жизни, вероятно, еще опаснее. Главное — найти и сблечь себя, свою индивидуальность, свою манеру поведения и речи — все, что составляет человеческую неповторимость, из-за чего один человек не может забыть другого, из-за чего этот другой становится единственным, хотя вокруг ведь сотни, тысячи ему подобных. И если вы действительно нашли себя, вам никакая мода не страшна, она не заставит вас отказаться от вашего, только вашего образа.

И вот — чтобы найти себя, нужен вкус. А вкус воспитывается на хорошей литературе, хорошем театре и кино. Я других способов просто не знаю. И, по-моему, надо не столько учить людей отличать хорошее от плохого (вряд ли это и возможно применительно к людям сложившимся), сколько ориентировать их, умно и тонко анализируя явления искусства.

Если такой ориентацией не заниматься, искусство не всегда найдет своего зрителя, а зритель — то, чего ищет в искусстве. И важно воспитать зрителя так, чтобы он шел не в кино вообще, не «в киношку», а на определенный фильм, который он сознательно выбрал из всего, что предлагает в данный момент экран, и заранее представляет себе, что ждет его в кинотеатре. Ведь если вы идете в консерваторию слушать Баха, вы не спрашиваетесь совсем не так, как если бы собрались в оперетту. И бывает очень обидно, когда зритель, намеренный развлечься, случайно попадает на серьезный философский фильм и, раздраженный, уходит через пятнадцать минут.

Мне кажется, и искусство и педагогика должны быть сейчас более всего озабочены воспитанием вкуса в самом широком смысле, в том нравственном его понимании, о котором я все пытаюсь толковать. Может показаться, что это не связанные впрямую вещи, но я уверена, что следствием такого воспитания будет, скажем, доброжелательность во взаимоотношениях.

Как-то раз один журналист задал нам с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским один и тот же вопрос: «Что вы считаете самым важным, самым главным?». Я тогда, не задумываясь, ответила: талант. Мне казалось, я все могу простить человеку, лишь бы он был талантлив, интересен мне. А Смоктуновский, тоже не задумываясь, сказал, что для него самое главное в человеке — доброта. И сейчас я все чаще вспоминаю этот его ответ и думаю, что он был прав.

Наша страна прошла через невероятные трудности, были у нас и войны, и голод, и разруха, и приходилось,

стиснув зубы, строить заново целые города; и известная жесткость, угловатость, резкость были на разных этапах по-своему оправданы. Но даже в те суровые годы за любой резкостью и угловатостью стояла доброта. Не та «доброта», которая хуже воровства, а та высокая доброта, которая составляет нравственную основу взаимоотношений людей. Надо ли говорить, что значение этой основы еще важнее в наши дни?

Вот недавно я посмотрела фильм Михаила Ульянова «Самый последний день». Может быть, в чем-то сам фильм и несовершенен, но Ульянов также искренне, человеческое нашел в своем герое и так сыграл это искренно, что мне захотелось немедленно увидеть нечто подобное в людях, которые живут рядом со мной. Я думаю, и для самого Ульянова это было открытие высокой доброты как некой абсолютной ценности, неподвластной никакой моде.

Смотрите, что порой получается. Мы умеем делать добро. Нигде в мире не умеют делать добро так, как мы, — широко, щедро. Но как часто нам не хватает доброжелательности, то есть внешних, безусловных, что ли, проявлений доброты. Я думаю, что это как раз из сферы вкусовой. Человек с развитым вкусом не позволит себе огрызаться в транспорте, разговаривать на повышенных тонах с продавцом или с приемщицей в химчистке. Вкус подсказывает ему манеру поведения, исключая грубость, дурной стиль, безаппеляционность суждений.

ИНОГДА мы путаем воспитанный вкус с осведомленностью. Кстати, для меня самое сильное впечатление последнего времени — выступление на Белорусском автозаводе. Я очень волновалась. Думала, ведь любимых моих ролей в Театре на Таганке здесь не видели, а мои кинообразы, казалось мне, далеки от сегодняшних, насущных интересов этих людей, которые создают такие прекрасные, прямо величественные машины. Но разговор получился самый интересный, самый увлекательный из всех, какие мне приходилось вести, в том числе с людьми, снимающими сливки театральной жизни. Здесь была такая чуткая и в то же время острая реакция!

Мы говорили о положительном и отрицательном герое, о современном актере, о Гамлете, о «Дневных звездах» и «Шестом июля». Это была не подготовленная беседа, а полная импровизация. Мы вышли далеко за рамки привычного «нравится — не нравится». А какое разграничение роли, образа и актерской сущности! Не у всякого профессионального критика встретишь подобную глубину и вместе с тем дорогую непредвзятость суждений. По-моему, это были все люди с безупречным вкусом, в чем-то очень похожие на тех, с которыми я сталкиваюсь каждое лето, когда езжу в свою любимую деревню под Владимиром. Там я тоже встречаю не дешевое любопытство, вызванное мною, актрисой, — не частая моя жизнь их привлекает, а то, что мне удается или не удается в искусстве.

Ведь все, что во мне есть, выписывается на экране и на сцене, иначе быть не может. Как говорится, я — поэт, этим и интересен. Но я получаю массу писем, в основном от девочек-старшеклассниц. Они спрашивают именно обо мне. Им хочется знать, как я живу, какими вещами себя окружаю. Но ведь, честное слово, увидев меня в театре или кино, девочки узнают обо мне гораздо больше, чем переступив порог моей квартиры, чего они так добиваются и что, кстати, тоже представляется проявлением невоспитанного вкуса.

Сама я постоянно ощущаю эмоциональную зависимость от своих художественных впечатлений. Если я посмотрела плохой, безвкусный фильм, спектакль, я могу быть раздражена, подавлена и немедленно утрачиваю ту самую доброжелательность, которую более всего ценю в людях. Меня спрашивают, как пройти на Ордынку, а я буркну в ответ нечто невразумительное. А после хорошей выставки картин или настоящей актерской игры я уж не просто объясню про Ордынку, но и прожужу туда.

Но, пожалуй, еще важнее непреднамеренные столкновения с хорошими людьми, порой случайными, но живыми примерами поведения и образа мысли, приближающихся к совершенству. В моей жизни, например, такие люди сыграли решающую роль. Они служили для меня ориентирами и в смысле вкусовых пристрастий, и шире — в смысле выбора своей жизненной линии. Наверное, чтобы найти себя, надо вначале найти свои, только свои ориентиры. И постараться пойти дальше слепого подражания.

Мне хотелось бы с нынешними восемнадцатилетними говорить о том, как это опасно, когда ориентиром становится нечто сугубо внешнее, кака-нибудь дубленка или широкий галстук, когда начинает казаться, что без этих вещей тебя не полюбят или не оценят.

Вот за границей меня более всего подавляет как раз эта оценка человека (иногда подсудная) по вещам, которыми он обладает. Однажды в Женеве я наблюдала две супружеские пары. На одной жене была норковая шуба, а на другой — под котик. Они шли рядом и о чем-то говорили. Я не понимала, о чем, но по всему было видно, что дама «под котик» — пристрайка к даме-«норке».

Нет, недаром понятие «интеллигентность» — сугубо наше, русское. Оно исключает вот эти «норковые» меры ценности. Хотя меня пугает, что иногда «мода» на интеллигентность тоже выливается в чисто внешние формы. Ах, древние иконы! Ах, старина, подвечники, поставцы! Это тоже от невоспитанности. Вообще подверженность сильно дующим модным ветрам, по-моему, идет от того, что человек не нашел себя. Не поверил в себя, не умеет быть естественным. Непреходящая мода на истинную интеллигентность, на духовную значительность — вот самое большое богатство, которое нам досталось в наследство и которое нам надлежит сохранить и передать приумноженным.

Алла ДЕМИДОВА.

О ВКУСАХ
СПОРЯТ

НАЙДИ САМОГО СЕБЯ

Размышлениями популярной советской актрисы «Известия» в кругу семьи начинают большой разговор о вкусах. Мы намерены вести его в самом широком плане, коснувшись и проблем бытовых, и правил, которыми мы руководствуемся в своем ежедневном поведении, и наших пристрастий в области литературы, искусства. Редакция приглашает читателей принять участие в этом разговоре.

КОГДА мы произносим или слышим слова «вкус», «мода», первое, что возникает в нашем сознании, — это одежда, мебель, прически. Словом, нечто вполне осязаемое, предметное, но, в сущности, вторичное по отношению к тому, что оно выражает. Старик Стародум в фонвизинском «Недоросле» был, наверное, не так уж неправ, когда говорил, что существует мода на умы и знания, как на пряжки и пуговицы. Прозвучит непривычно, должно быть, но, видимо, бывает даже модный или немодный стиль поведения.

Убеждена, вкус (а вкус — это, на мой взгляд, способность выбирать из всего, что предлагает мода, наиболее полно выражающее именно тебя) — свойство воспитуемое. И вкус в сфере поведения — тоже. Буду говорить о том, что мне ближе всего: о кино, о театре. Пожалуй, верно, что каждая эпоха и в кино утверждает некий популярный образ, который создает определенный актером. Тут возникает интересная связь. Актер угадывает прототип этого образа в жизни, стремится выразить идеал, тот, что в неясном, неформальном еще виде бродит в людском сознании. А потом, в случае актерской удачи, зритель, восхитившись образцом, увиденным на экране, узнав в нем то, что он сам искал и во внешнем облике, и в поведении, следует экранному герою, подражает ему. Это счастье — очень точно воплотить идеальный для своего времени образ — сполна испытала Любовь Орлова. Женщины тридцатых годов причесывались, как ее экранная героиня, повторяли ее походку, манеру одеваться и говорить. Потому что актриса выразила собой эпоху первых радостных встреч с большими свершениями.

Потом была война, и она вызвала к жизни образ мужественной женщины, женщины в шинели. А после войны, как естественная реакция на мужественность, в качестве главного женского достоинства появилось стремление к мягкости, женственности. Вспомним послевоенные фильмы с участием Людмилы Целиковской. На Западе возник образ супер-женщины, пиком этой моды была Мэрилин Монро. Когда пик миновал, супер-женщину сменила антиженщина, женщина-подросток

Но и эта пора прошла, и вот уже и мы, актеры, и зритель вместе с нами ищем образ интеллигентной, думающей женщины (в западном кинематографе ей еще придается оттенок некоторой усталости от жизни). Этот образ пока далеко не исчерпан. Здесь только предстоит отыскать синтез женщины неотразимой, таинственной, недостижимой, если хотите, но в то же время живой, узнаваемой, чтобы чувствовалось, что с ней можно и поспорить о чем угодно, и чашку чаю выпить. Женщины, в которой соединятся «вода и камень, лед и пламень».

К сожалению, пока что у нас нет драматургического материала, чтобы воплотить этот образ на сцене и на экране. Между тем главное — не упустить то, что диктует время. Именно наше время и именно — в нашей стране. А оно настоятельно формирует образ женщины, которая делает свое дело наравне с мужчинами, и в то же время женственна, кокетлива, прекрасна в любви и материнстве. Она органично вбирает в себя лучшее из стилей предыдущих времен, не зачеркивает ничего того, что устраивало ее в старой моде, в угоду новой. Если иметь в виду чисто «тряпичную» сторону дела (хотя, полагаю, речь идет не только о тряпках), то она соединяет в своем туалете брюки и романтическую блузку с кружевами, коротенькую спортивную курточку и длинные юбки. Все это уживается в ее костюме и, значит, в облике, создавая широчайшие возможности для перевоплощения, для разного поведения в разных ситуациях. Потому что, согласитесь, брюки и туфли на низком каблучке подсказывают одну манеру поведения, кружева — совсем иную, а то и другое вместе — третью.

МНЕ очень нравится, что современная мода не втискивает нас в рамки какого-то одного направления (как это было раньше, когда все вдруг укорачивали юбки или, наоборот, поспешно удлиняли их, стремясь подогнать себя под господствующий силуэт).

Сегодня есть возможность искать себя, найти и следовать найденному. Пусть меняются как угодно стремительно моды, но в тебе-то нечто главное остается неизменным, так что не нужно второпях отказываться от каких-то постоянных величин в самом

себе. Я говорю уже не о форме рукавов и не о ширине брюк. Ведь и в искусстве мы рискуем потерять себя в угоду модным влияниям. Это опасно. Но в жизни, вероятно, еще опаснее. Главное — найти и сберечь себя, свою индивидуальность, свою манеру поведения и речи — все, что составляет человеческую неповторимость, из-за чего один человек не может забыть другого, из-за чего этот другой становится единственным, хотя вокруг ведь сотни, тысячи ему подобных. И если вы действительно нашли себя, вам никакая мода не страшна, она не заставит вас отказаться от вашего, только вашего образа.

И вот — чтобы найти себя, нужен вкус. А вкус воспитывается на хорошей литературе, хорошем театре и кино. И других способов просто не знаю. И, по-моему, надо не столько учить людей отличать хорошее от плохого (вряд ли это и возможно применительно к людям сложившимся), сколько ориентировать их, умно и тонко анализируя явления искусства.

Если такой ориентацией не заниматься, искусство не всегда найдет своего зрителя, а зритель — то, чего ищет в искусстве. И важно воспитать зрителя так, чтобы он шел не в кино вообще, не «в киношку», а на определенный фильм, который он сознательно выбрал из всего, что предлагается в данный момент экран, и заранее представляет себе, что ждет его в кинотеатре. Ведь если вы идете в консерваторию слушать Баха, вы не страннуетесь совсем не так, как если бы собрались в оперетту. И бывает очень обидно, когда зритель, намеренный развлечься, случайно попадает на серьезный философский фильм и, раздраженный, уходит через пятнадцать минут.

Мне кажется, и искусство и педагогика должны быть сейчас более всего озабочены воспитанием вкуса в самом широком смысле, в том нравственном его понимании, о котором я все пытаюсь толковать. Может показаться, что это не связанные впрямую вещи, но я уверена, что следствием такого воспитания будет, скажем, доброжелательность во взаимоотношениях.

Как-то раз один журналист задал нам с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским один и тот же вопрос: «Что вы считаете самым важным, самым главным?». Я тогда, не задумываясь, ответила: талант. Мне казалось, я все могла простить человеку, лишь бы он был талантлив, интересен мне. А Смоктуновский, тоже не задумываясь, сказал, что для него самое главное в человеке — доброта. И сейчас я все чаще вспоминаю этот его ответ и думаю, что он был прав.

Наша страна прошла через невероятные трудности, были у нас и войны, и голод, и разруха, и приходилось,

стиснув зубы, строить заново целые города; и известная жесткость, угловатость, резкость были на разных этапах по-своему оправданы. Но даже в те суровые годы за любой резкостью и угловатостью стояла доброта. Не та «доброта», которая хуже воровства, а та высокая доброта, которая составляет нравственную основу взаимоотношений людей. Надо ли говорить, что значение этой основы еще важнее в наши дни?

Вот недавно я посмотрела фильм Михаила Ульянова «Самый последний день». Может быть, в чем-то сам фильм и несовершенен, но Ульянов такое истинное, человеческое нашел в своем герое и так сыграл это истинное, что мне захотелось немедленно увидеть нечто подобное в людях, которые живут рядом со мной. Я думаю, что и для самого Ульянова это было открытие высокой доброты как некой абсолютной ценности, неподвластной никакой моде.

Смотрите, что порой получается. Мы умеем делать добро. Нигде в мире не умеют делать добро так, как мы, — широко, щедро. Но как часто нам не хватает доброжелательности, то есть внешних, безусловных, что ли, проявлений доброты. Я думаю, что это как раз из сферы вкусовой. Человек с развитым вкусом не позволит себе огрызаться в транспорте, разговаривать на повышенных тонах с продавцом или с приемщицей в химчистке. Вкус подсказывает ему манеру поведения, исключая грубость, дурной стиль, безапелляционность суждений.

ИНОГДА мы путаем воспитанный вкус с осведомленностью. Кстати, для меня самое сильное впечатление последнего времени — выступление на Белорусском автозаводе. Я очень волновалась. Думала, ведь любимых моих ролей в Театре на Таганке здесь не видели, а мои кинообразы, казалось мне, далеки от сегодняшних, насущных интересов этих людей, которые создают такие прекрасные, прямо величественные машины. Но разговор получился самый интересный, самый увлекательный из всех, какие мне приходилось вести, в том числе с людьми, снимающими сливки театральной жизни. Здесь была такая чуткая и в то же время острая реакция!

Мы говорили о положительном и отрицательном герое, о современном актере, о Гамлете, о «Дневных звездах» и «Шестом июля». Это была не подготовленная беседа, а полная импровизация. Мы вышли далеко за рамки привычного «нравится — не нравится». А какое разграничение роли, образа и актерской сущности! Не у всякого профессионального критика встретишь подобную глубину и вместе с тем дорожную непредвзятость суждений. По-моему, это были все люди с безупречным вкусом, в чем-то очень похожие на тех, с которыми я сталкиваюсь каждое лето, когда езжу в свою любимую деревню под Владимиром. Там я тоже встречаю не дешевое любопытство, вызванное мною, актрисой, — не частная моя жизнь их привлекает, а то, что мне удастся или не удастся в искусстве.

Ведь все, что во мне есть, выплескивается на экране и на сцене, иначе быть не может. Как говорится, я — поэт, этим и интересен. Но я получаю массу писем, в основном от девочек-старшекласниц. Они спрашивают именно обо мне. Им хочется знать как я живу, какими вещами себя окружаю. Но ведь, честное слово, увидев меня в театре или кино, девочки узнают обо мне гораздо больше, чем преступив порог моей квартиры, чего они так добиваются и что, кстати, тоже представляется проявлением невоспитанного вкуса.

Сама я постоянно ощущаю эмоциональную зависимость от своих художественных впечатлений. Если я посмотрела плохой, безвкусный фильм, спектакль, я могу быть раздражена, подавлена и немедленно утрачиваю ту самую доброжелательность, которую более всего ценю в людях. Меня спрашивают, как пройти на Ордынку, а я буржуно в ответ нечто невразумительное. А после хорошей выставки картин или настоящей актерской игры я уж не просто объясню про Ордынку, но и провожу туда.

Но, пожалуй, еще важнее непреднамеренные столкновения с хорошими людьми, порой случайными, но живыми примерами поведения и образа мысли, приближающихся к совершенству. В моей жизни, например, такие люди сыграли решающую роль. Они служили для меня ориентирами и в смысле вкусовых пристрастий, и шире — в смысле выбора своей жизненной линии. Наверное, чтобы найти себя, надо вначале найти свои, только свои ориентиры. И постараться пойти дальше слепого подражания.

Мне хотелось бы с нынешними семнадцатилетними говорить о том, как это опасно, когда ориентиром становится нечто сугубо внешнее, кака-нибудь дубленка или широкий галстук, когда начинают казаться, что без этих вещей тебя не полюбит или не оценят.

Вот за границей меня более всего подавляет как раз эта оценка человека (иногда подсудная) по вещам, которыми он обладает. Однажды в Женеве я наблюдала две супружеские пары. На одной жене была норковая шуба, а на другой — под котик. Они шли рядом и о чем-то говорили. Я не понимала, о чем, но по всему было видно, что дама «под котик» — пристройка к даме-«норке».

Нет, недаром понятие «интеллигентность» — сугубо наше, русское. Оно исключает вот эти «норковые» мерил ценности. Хотя меня пугает, что иногда «мода» на интеллигентность тоже выливается в чисто внешние формы. Ах, древние иконы! Ах, старина, подвесочки, поставцы! Это тоже от невоспитанности. Вообще подверженность сильно дующим модным ветрам, по-моему, идет от того, что человек не нашел себя. Не поверил в себя, не умеет быть естественным. Непреходящая мода на истинную интеллигентность, на духовную значительность — вот самое большое богатство, которое нам досталось в наследство и которое нам надлежит сохранить и передать приумноженным.

Алла ДЕМИДОВА.